

ОСКОЛОК НАДЕЖДЫ

Сергей Звонарёв

18+

Иллюзия порядка

Сергей Звонарёв

Осколок "Надежды"

«Автор»

2026

Звонарёв С.

Осколок "Надежды" / С. Звонарёв — «Автор»,
2026 — (Иллюзия порядка)

Уважаемые читатели, черновик завершён, спасибо за вашу поддержку. Встречайте третью книгу серии "Иллюзия порядка". Её называли "Негасимая надежда". Она неслась к резиденции Короля, начинённая взрывчаткой. Её сбили. Уцелел лишь осколок. На осколке — шифр. Он приведёт героев к секте, которую похоронили двадцать лет назад. Но мёртвые умеют ждать. У Короля есть только этот осколок и двое оперативников, которым он доверяет. Они — его хрупкая надежда разобраться и устранить заговор, пустивший корни внутри королевской семьи. Потому что предатель может оказаться тем, кого Король обнимал на ночь. А единственный настоящий след ведёт к "Острову" — месту, где умирают последние иллюзии. И где "Негасимая надежда" обретает своё истинное имя: приговор.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Сад «Расходящихся троп»	6
Глава 2. "04"	21
Глава 3. Неучтённая точка	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Звонарёв

Осколок "Надежды"

Пролог

Земля не была домом. Она была колыбелью. Той самой точкой отсчёта, от которой когда-то разлетелись по галактике первые корабли, унося с собой запах её трав, тяжесть её гравитации и иллюзию, что всё остальное — лишь бледные копии.

Сергей Зум никогда не был на Земле. Он родился на небольшой аграрной планете в системе Тау Кита, где небо по ночам было усыпано настоящими звёздами — не голографической проекцией, а живыми, далёкими солнцами. Где воздух пах сухой травой и навозом, а отец вставал затемно, чтобы проверить агророботов и свои поля. Потом была полицейская академия в той же звёздной системе — серые корпуса, уставные маршрутки, первые выстрелы по мишеням. А после — назначение на Орион-Репейр-7, ржавый спутник, где небо напоминало выцветший экран, а воздух пах сваркой, машинным маслом и безысходностью. Земля для него была картинкой из учебников с изумительного цвета закатами и не передаваемым голубого оттенка небом, легендой, символом, который вызывал уважение, но не трепет. До сегодняшнего дня.

Глава 1. Сад «Расходящихся троп»

Флайтер — маленький, юркий, без опознавательных знаков — вынырнул из облаков над холмистой местностью. И первое, что почувствовал Сергей, увидев внизу бескрайний зелёный сад, были лёгкое головокружение и странная, необъяснимая тоска. Словно какая-то древняя, генетическая память вдруг ожила и зашептала: ты здесь. Наконец-то.

— Сердце Федерации, — сказал Йорк, не отрываясь от приборов. — Как тебе?

— Слишком зелено, — ответил Сергей, хотя на самом деле зелень была правильной. Живой. Не синтезированной.

— Привыкнешь. Или нет. Что-то мне подсказывает, что у нас не будет времени привыкать.

Флайтер бесшумно опустился на идеально круглую посадочную плиту, замаскированную под изумрудную траву. Рядом, в нескольких шагах от неё, начиналась настоящая лужайка. Двигатели стихли, и тишина навалилась такой плотной, что Сергей на секунду замер, проверяя, не заложило ли уши. Потом открылся люк, и в лицо ударил тёплый, влажный воздух, пахнувший жасмином, мёдом и чем-то неуловимо древним — тем самым запахом, который, наверное, чувствовали первые люди, вышедшие из саванны.

Сергей шагнул на за границы плиты. Земля мягко пружинила под подошвами.

Но самым ошеломляющим оказалось солнце.

Оно висело низко, заливая всё вокруг густым, янтарным светом. Сергей поднял лицо навстречу лучам — и на секунду зажмурился. Свет был не таким, как на станциях, не искусственным, не фильтрованным через бронестекло в рубке корабля. Он был живым. Он проникал сквозь веки, оставляя на внутренней стороне тёплые, оранжевые пятна. Он грел кожу — не ровным, безликим теплом обогревателя, а пульсирующим, меняющимся, заставляющим кровь двигаться быстрее.

Сергей протянул руку ладонью вверх. Луч упал на кожу, и он почувствовал разницу. Это было похоже на то, как если бы он всю жизнь пил синтезированный чай, а теперь впервые попробовал настоящий, заваренный на родниковой воде.

Он стоял, впитывая тепло, чувствуя, как оно растекается по плечам, по шее, по закрытым векам. Воздух, насыщенный влагой и цветением, казалось, тоже светился изнутри. Всё здесь — каждый лист, каждая травинка, каждая пылинка в луче — было настоящим. Не голограммой, не симуляцией, не проекцией для отработки тактики.

— Климатические установки, — голос Йорка прозвучал глухо, будто он не хотел разрушать иллюзию, но считал своим долгом. — Удерживают двадцать два градуса, семьдесят процентов влажности, бриз с северо-запада. Идеальная весна. Никаких неожиданностей.

Сергей открыл глаза, повернулся к нему. Йорк стоял, не поднимая лица к солнцу, глядя прямо перед собой — на дорожку, на дом, на цель. Он словно был нечувствителен к этому свету, к этому теплу. Или, может быть, наоборот — слишком чувствителен, поэтому научился не замечать.

— Но солнце, — продолжил Йорк, и его голос смягчился на полтона, — самое настоящее. Спектр G2V, как в учебниках. То же самое, что светит на Старую Землю с момента зарождения на ней жизни. Оно не подчиняется установкам. Оно просто есть.

Он сделал паузу, и Сергей поймал себя на мысли, что командир сейчас смотрит не на дом, а куда-то вверх, в сторону светила.

— Наслаждайся, пока можешь, — тихо добавил Йорк. — Здесь это единственное, что не подделано.

И двинулся вперёд.

Сергей сделал глубокий вдох, чувствуя, как жасминовый воздух наполняет лёгкие, и шагнул следом. Солнце продолжало греть спину, и это было так непривычно, так правильно, что у него на секунду закружилась голова.

Настоящее Солнце, — подумал он. — Я стою под настоящим Солнцем.

И эта простая, детская мысль оказалась тяжелее любого боевого приказа.

Йорк ничего не ответил. Он уже шёл по дорожке к небольшому, почти скромному дому, видневшемуся в паре сотен метров метрах. Сергей догнал его, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в груди тяжестью момента.

Внизу, насколько хватало глаз, расстился настоящий сад, деревья, растущие из земли, лужайки, по которым ветер гнал живые волны травы, извилистые дорожки из светлого камня. Где-то вдалеке блеснула гладь пруда, с небольшим пирсом уходящего не несколько метров над водой.

— Похоже на открытку, — сказал Сергей.

— На ловушку, — поправил Йорк — Здесь каждый холмик — броневая плита. Каждое дерево — антенна. И это только предпоследнее кольцо. Но да, эстетика — высший пилотаж.

Они шли медленно. Слишком медленно для людей, привыкших бегать. Но здесь, в этом саду, бег был бы оскорблением. Или признанием вины.

Сергей поймал себя на том, что смотрит на Йорка — командир шёл с идеальной осанкой, но без военной выпрямленности. Он словно врос в этот пейзаж, хотя Сергей знал... Нет, не знал в привычном смысле — не читал в досье, не слышал из его уст. Он чувствовал. Тонкую, почти невидимую вибрацию неприязни, которая исходила от Йорка, стоило ступить на эту планету. Будто земля под ногами была для него не живой, а раскалённой. Будто тот самый настоящий воздух, которым Сергей сейчас наслаждался, для Йорка был отравлен.

Сергей не спрашивал. В их мире вопросы о прошлом были роскошью, которую никто не мог себе позволить. Но за месяцы общей работы он научился читать Джона без слов. По напряжению желваков, по микроскопической задержке дыхания, по тому, как он ставил ногу — чуть жёстче, чем на любой другой поверхности.

Он ненавидит эту планету, — понял тогда Сергей. И это понимание пришло не как вывод, а как физическое ощущение — холодок вдоль позвоночника, когда они впервые вышли из челнока в космопорте «Нью-Арк».

Почему? Он не знал. Может быть, Йорк потерял здесь кого-то. Может быть, его предали. Может быть, сама гравитация Земли казалась ему цепями. Но что-то — боль, отвращение, страх, застывший в ненависть, — плескалось в глубине его спокойных глаз каждый раз, когда он смотрел на горизонт.

Сергей научился не замечать этого. Но сейчас, в этом саду, среди жасмина и птичьих трелей, эта невидимая вибрация стала гуще. Осязаемое. Он чувствовал её затылком, как чувствуют приближение грозы.

Слишком многое здесь напоминало о том, чего у него никогда не было, — подумал Сергей, и эта мысль не была умозрительной. Она была плотной, как камень, который Йорк нес в груди.

Дом. Семья. Трава под босыми ногами. Детский смех в этом саду. Всё то, что делает человека человеком — у Йорка, наверное, было отнято. Или он сам отнял. Или никогда не давали.

Сергей не знал. Но он чувствовал эту пустоту за спиной командира — такую же реальную, как тень, отбрасываемая солнцем на дорожку.

— Здесь можно забыть, зачем мы пришли, — тихо сказал Сергей, чтобы разорвать тишину.

Йорк не обернулся, но Сергей заметил, как дрогнули его плечи — на долю секунды, на выдохе. Как будто он только что вынырнул из глубины, куда его утанули собственные мысли.

— Затем и создано, — ответил он ровно. Это не сад. Это анестезия. Чтобы враги расслаблялись. Чтобы друзья чувствовали себя в безопасности. Чтобы сам Король иногда верил, что всё нормально.

— А ты?

— Я никогда не расслабляюсь.

Они пошли дальше. И Сергей больше не смотрел на Йорка. Он смотрел на дорожку, на розы, на небо. Но внутри, где-то под рёбрами, остался холодок — чужой, не его. Тот самый, который Йорк носил в себе так долго, что он стал частью его дыхания.

Потому что быть рядом с человеком, который несёт такую пустоту, — тяжело. Даже если ты готов носить её вместе.

Дорожка была выложена из светлого, почти белого камня, отполированного веками (или, скорее, где-то в мастерских) до гладкости, но не скользкого — подошвы ботинок цеплялись за микрорельеф с идеальным сцеплением. По краям, ровной стеной, стояли кусты роз — не те карликовые, генномодифицированные, что продавали в горшках в колониях, а настоящие, живые, с шипами, с бархатными лепестками, с запахом, который висел в воздухе плотным, сладким шлейфом.

Ветер, тёплый и ленивый, тянул с севера, шевеля листву где-то в глубине сада. Сергей слышал, как шуршат листья — не синтезированный белый шум в наушниках, а настоящий, живой шелест, с неровными ритмами, с внезапными всплесками, когда порыв становился сильнее. Где-то вдалеке, за домом, чирикали птицы. Настоящие. Сергей не видел их раньше иначе как на картинках.

Они прошли мимо пруда — небольшого, но ухоженного, с тёмной, спокойной водой, в которой отражались облака. Сергей заметил, как в воде мелькнула рыба. Крупная, с красно-оранжевой чешуей.

— Почему Лизы нет с нами? — Сергей задал вопрос, который терзал его с моменты вылета, но все никак не подворачивался момент.

Йорк сделал несколько шагов в молчании, прежде чем ответить.

— Я отправил её на задание. Одиночный сбор данных в секторе Цефея-9. Таможенная станция на окраине, через которую, по нашим данным, идут финансовые и информационные потоки вызывавшие наш интерес. Кто-то должен был сидеть в засаде, слушать, записывать, не отвечать.

— Одну? — Сергей почувствовал, как внутри шевельнулось беспокойство.

— Она справится, — Йорк сказал это твёрдо, но в его голосе на секунду проскользнуло что-то, похожее на... нет, не сомнение. Скорее, усталость от ответственности. — У Лизы есть то, чего нет у нас с тобой.

— Что?

— Способность быть невидимой. Не прятаться — быть. Растворяться. Она может сидеть в баре три дня, и никто не запомнит её лица. Это талант. А нам здесь нужны были лица. Твоё — новое, незамыленное. Моё — известное, но необходимое для разговора с Королём.

Он помолчал, потом добавил:

— Кроме того, она хотела попробовать себя в автономке. Сказала, что устала быть на побегушках. Я дал ей шанс.

Сергей кивнул, хотя внутри всё сжалось. Он вспомнил, как Лиза смотрела на него перед отлётом — спокойно, без паники, но с какой-то странной, застывшей решимостью. Они не прощались. В их мире прощания были плохой приметой.

— Она будет на связи?

— Если понадобится. Но в режиме радиомолчания — большую часть времени. Сектор шумный, а её легенда не предполагает частых сеансов.

— Ты веришь, что она найдёт след?

— Я верю, что она умнее любого следа, — Йорк усмехнулся краем губ. — А теперь хватит о Лизе. Мы пришли за другим.

Они свернули на аллею, обсаженную низкими, стриженными кустами самшита — Сергей узнал запах, потому что когда-то, в академии, у инструктора был освежитель воздуха с этим ароматом. Тогда он казался приторным. Здесь, вживую, он был терпким, горьковатым, живым.

Солнце переместилось, и теперь лучи падали под другим углом, высвечивая мелкие капли росы на траве — хотя время было далеко не утреннее. Системы увлажнения, понял Сергей. Они создают иллюзию утра в любое время суток. Всё здесь было иллюзией. Кроме камней под ногами, кроме ветра в листве, кроме самого солнца, которое он чувствовал спиной — тяжёлое, тёплое, бесконечно далёкое и пугающе реальное.

Он подумал о Лизе. Там, в секторе Цефея-9, сейчас, наверное, глубокая ночь или вообще другой отсчёт времени. Она сидит в каком-нибудь зале ожидания, смотрит на чужие лица, слушает чужие разговоры, ждёт сигнала. Одна. Без прикрытия. Без связи.

Сергей отогнал эту мысль. Йорк прав: здесь и сейчас есть работа. И он должен сделать её идеально.

Они вышли на открытую лужайку перед домом.

Трава здесь была короткая, изумрудная, с мелким разнотравьем, которое Сергей не мог определить — он не ботаник. Но цветы среди зелени пестрели яркими пятнами: синие, жёлтые, белые. Над ними кружились насекомые — не дроны, настоящие, живые, с прозрачными крыльями и неустанным жужжанием.

Дом стоял в двух сотнях метров от посадочной площадки. Он не был замком. Не был дворцом. Простое, одноэтажное строение из светлого камня и тёмного дерева, с широкими окнами, за которыми угадывались комнаты, с крышей, на которой местами рос мох — специальный? Или настоящий? Сергей не знал.

Но чем ближе они подходили, тем больше деталей открывалось.

Стены были сложены из крупных, грубо обработанных известняковых блоков — тёплого, медового оттенка, с вкраплениями ракушек, которые поблёскивали на солнце. Камни подгоняли друг к другу без видимого раствора, будто кладка росла сама собой. Такая работа стоила бешеных денег — не из-за материалов, а из-за времени и ручного труда, которого давно не осталось в Федерации.

Дерево, использованное для оконных рам, дверных наличников и угловых стоек, было тёмным, почти чёрным, с глубокой, бархатистой текстурой. Дуб, сразу понял Сергей. Настоящий, выросший где-то на Земле, а не синтезированный в биореакторе.

Крыша. Простая, двускатная, крытая глиняной красноватого оттенка черепицей, а не листами термопласта. На ней действительно рос мох — живой, зелёный, с маленькими, похожими на звёздочки, соцветиями. Ветер шевелил его, и он казался мягким, как бархат.

Под крышей — небольшой, почти незаметный слуховой люк. Стекло — старое, с пузырьками внутри, с лёгкой, едва заметной рябью. Такое не делают на станциях. Такое выдувают вручную, и каждая панель — единственная.

Дорожка, выложенная тем же светлым известняком, упиралась в невысокое крыльцо — три ступени, ограждение из кованого железа с тиснённым растительным узором. Над крыльцом висел старый фонарь на цепи — не светодиодный, не плазменный, а настоящий, с масляной лампой внутри. Сергей не поверил своим глазам. Потом заметил тонкую, почти невидимую антенну на его верхушке и понял: масло — бутафория, внутри обычный световой элемент. Но форма. Форма была настоящей.

У дома не было никаких пристроек, никаких гаражей, никаких вышек охраны. Только зелёная лужайка, кусты роз и старые, развесистые дубы. Один из них, тот, под которым стоял стол, был особенно огромным — толщиной в три обхвата, с корой, изрезанной трещинами как карта неизведанных земель.

Сергей посмотрел на дом ещё раз. Дом смотрел на него в ответ — спокойно, без высокомерия. Он не пытался впечатлить. Он просто был. И в этой простоте чувствовалась сила, которую не купишь за деньги Федерации.

— Так живёт тот, кто правит галактикой? — спросил он тихо.

— Так живёт тот, кто хочет, чтобы все думали, что он — такой же, как все, — ответил Йорк. — Истинная власть не в этой лужайке. Она за сто километров отсюда. В Большом Административном Корпусе. Там — Министерства, обитель КРС, рабочий кабинет Короля. Буквально пять минут на подземном экспрессе в вакуумном туннеле — и ты из этого сада переносишься в самое сердце Федерации. А здесь — фасад. Очень дорогой. Очень продуманный. Очень красивый и уютный. Смертельно опасный, если забыться.

— Ты был там? В Корпусе?

— Однажды. Когда меня принимали в КРС. С тех пор — только здесь. Король предпочитает этот сад для личных разговоров. Говорит, что под открытым небом легче дышится.

Небо сегодня было высоким, с редкими перистыми облаками, похожими на размытые мазки акварелью. Красиво. Слишком красиво. И вдруг — как сильный порыв ветра в лицо заставляющий щуриться и отворачиваться, вспомнилась другая Земля. Та, которую он видел пять часов назад с орбиты.

Он смотрел в иллюминатор яхты, и впервые за долгое время у него перехватило дыхание.

Планета внизу была не просто красивой. Она была живой. Голубые океаны, зелёные пятна континентов, белые спирали циклонов — всё это двигалось, дышало, существовало по своим, нечеловеческим законам.

И посреди этого великолепия, на поверхности одного из материков, зияла рана.

Он видел её даже с орбиты. Огромное, оплавленное, неестественно гладкое пятно — как будто кто-то гигантским утюгом прогладил континент, превратив его в стекло и пепел. ЦТАЭС. Катастрофа пятисотлетней давности. Миллиарды погибших. Континент, вычеркнутый из жизни.

— Ты смотришь на могильник, — тихо сказал тогда Йорк, подходя к иллюминатору. — Самое большое кладбище в галактике. Тридцать процентов поверхности Земли до сих пор непригодны для жизни.

— Мы садимся в «Нью-Арке». Космопорт для дипломатов, высших чинов и тех, кто может заплатить. Никаких мелких торговцев, никакой суеты. Чисто, масштабно, серьёзно. Дыши через раз.

Яхта заложила вираж, и ожог ЦТАЭС исчез за горизонтом.

Вершившись из воспоминаний, Сергей ещё раз посмотрел на небо. Слишком красиво. Как декорация к фильму о рае.

— Мне тоже так кажется, — сказал он.

— Что?

— Что это декорация.

— Это не декорация, — Йорк остановился, повернулся к Сергею. — Это оружие. Самое страшное оружие, которое создала Федерация. Им нельзя выстрелить. Им можно только... дышать. Смотреть. Чувствовать. А потом, когда ты расслабился, когда поверил, что мир прекрасен и безопасен, — тебя убивают.

Он сделал паузу, и в этой паузе Сергей услышал не угрозу — предупреждение.

— И убьют не враги, Зум. Те, для кого ты работаешь. Власть Короля не прощает слабости приближённых и не помнит их заслуг. Один неверный шаг — и ты уже не нужен. Прогневал —

и ты вышвырнут. Сотрут в пыль, даже не заметив. И начнётся всё не с выстрела и не с приказа. Начнётся с красивого сада. Или с красивых слов. Или с улыбки.

Он развернулся и пошёл дальше.

— Запомни это. И идём. Нас ждут.

Они приблизились к калитке в невысоком каменном заборе, который окружал дом. За ней, под раскидистым дубом, уже виднелся стол, накрытый белой скатертью. И человек, поднимающийся им навстречу.

Сергей сделал последний глубокий вдох — жасмин, мёд, мокрая трава, солнце на лице. Потом выдохнул и натянул на лицо маску спокойствия. Та, чему учили в «Кузнице». Та, которая не треснет даже под пулями.

И шагнул за Джоном за калитку.

За ней открывалась небольшая, вымощенная светлым камнем площадка. В центре, под раскидистым дубом, стоял стол — простой, деревянный, накрытый белой скатертью. На столе — фарфоровый узорный чайник, три чашки, блюдо с фруктами: виноградом, персиками, инжиром, блюдо с выпечкой. И люди.

Король сидел во главе стола. Он поднялся, когда они приблизились, и Сергей наконец увидел его вблизи.

Никакой короны, никакой мантии. Обычный тёмно-синий пиджак, белая рубашка без галстука, простые брюки. Лет пятидесяти. Короткая, аккуратно подстриженная седая борода, тёмные, с едва заметной проседью короткие волосы. Лицо с чёткими, немного острыми чертами — не красивое в обычном смысле, но запоминающееся. В нём чувствовалась порода. Та самая, которая не покупается и не наследуется автоматически — её нужно прожить.

Но главным были глаза.

Светло-серые, почти прозрачные, с тёмным ободком вокруг радужки. Они смотрели не сквозь тебя, как у сканера, и не мимо, как у статуи. Они смотрели в тебя — как у хорошего хирурга, который уже знает диагноз до того, как ты открыл рот. В них не было ни холода, ни тепла. Была абсолютная, спокойная внимательность человека, привыкшего за секунду отделять важное от пустого, правду от лести, друга от врага.

И ещё кое-что. Что-то неуловимое, что Сергей не мог описать словами, но чувствовал кожей. Величественность. Не напыщенная, не театральная — а настоящая, въевшаяся в каждую морщину, в каждый жест, в сам способ держать голову. Этот человек не нуждался в короне, потому что носил её внутри. Она проступала в спокойном изгибе плеч, в том, как он стоял — даже расслабленно, даже без охраны, даже в простом пиджаке.

Король не пытался впечатлить. Он просто был. И этого хватало, чтобы воздух вокруг него становился плотнее, а слова — тяжелее.

Справа от него сидела молодая женщина лет тридцати — старшая дочь. Катарина. Тёмные волосы собраны в небрежный пучок, на ней был лёгкий льняной сарафан, никаких украшений, кроме обручального кольца. Она держала на коленях девочку лет шести — внучку Ирму. Сергей знал, как их зовут, потому что видел в видеовыпусках новостей о принцессе, её супруге и ребёнке. Но, то в новостях, а тут живые настоящие люди. У девочки были светлые косички и серьёзное, не по-детски внимательное лицо; она грызла персик и с любопытством разглядывала гостей.

— Джон, — Король сделал шаг навстречу, и в его голосе Сергей услышал не холодную официальность, а что-то совсем иное — усталую теплоту старого знакомого. — Ты наконец достал тот осколок из плеча? Или так и ходишь с ним, как с талисманом?

Йорк чуть склонил голову. Уголок его губ дрогнул — не улыбка, а тень узнавания.

— Вы же знаете, ваше величество. Металл прикипает быстрее, чем люди.

— Знаю, — Король усмехнулся, и морщины вокруг его глаз собрались в лучики. — Проходите. Садитесь.

Он перевёл взгляд на Сергея — изучающе, но без враждебности.

— А это, вижу, тот самый эквир, который видел Штайнера. Добро пожаловать в мою "Тихую Заводь", молодой человек. Не стесняйтесь, здесь не дворец.

Сергей повторил за Джоном наклон головы.

Король уже повернулся к женщине с девочкой.

— Катарина, милая, вы с Ирмой пока погуляйте. У нас с Джоном разговор.

Старшая дочь поднялась, легко, без обид. Сергей заметил, как плавны её движения — она была похожа на отца не лицом, а какой-то внутренней, спокойной грацией. Девочка сползла с колен, взяла недоеденный персик и вопросительно посмотрела на Короля.

— Дедушка, а они злые? — девочка внимательно разглядывала тёмную офицерскую форму гостей.

Король погладил её по голове.

— Нет, Ирма. Они — свои. Иди.

Катарина взяла дочь за руку, но на секунду задержалась, посмотрела на Йорка.

— Передавайте привет нашему... общему знакомому, — сказала она тихо. — Если увидите его на Кор Секундус. Он сейчас редко бывает на Земле — министерство логистики захватило его жизнь. Федерация требует, Федерация ждёт. А мы с Ирмой привыкли.

В её голосе не было жалобы — простая констатация. Муж — заместитель министра по межзвёздной логистике, вечно в разъездах между на Кор Секундус и Большим Административным Корпусом на Земле. Катарина хоть постоянно живёт на Кор Секундус, воспитывает дочь, но в минуты экстренной загруженности мужа прилетает к отцу. Такова участь жен высокопоставленных чиновников.

Йорк кивнул, ничего не ответил.

Когда Катарина и Ирма скрылись за дверью дома, Король указал на кресла.

— Садитесь, друзья. Чай остывает.

Они сели. Сергей взял чашку — тонкий фарфор, горячий, с ароматом жасмина и мёда. Сделал глоток. Вкус был настоящим — ярким, сложным, не синтезированным.

Король тоже отпил, поставил чашку на блюдце. Звякнул фарфор, и этот звук показался Сергею неестественно громким.

— П.Р.И.З.Ы.В. — спокойно начал Король. — Мы узнали о нём поздно. Слишком поздно. Вы предотвратили катастрофу. Спасибо.

Он перевёл взгляд на Сергея.

— Пророк доложил мне детали. Подробно. Знаете, молодой человек, он редко кого хвалит — для него все мы лишь переменные в уравнениях. Но ваши действия на "Колючке"... он назвал их "образцом нелинейного мышления в условиях неопределённости". Это от него высшая похвала.

Король усмехнулся краем губ и отпил чай.

— Вы вошли на борт без оружия, пошли на переговоры со Штайнером, выиграли время, а главное — сумели вернуться и принести информацию. Не каждый эквир первого года способен на такое. Но Пророк... он беспристрастен. Если он отметил вас — значит, вы действительно уникальны.

Сергей молчал, не зная, что ответить. Похвала от Пророка — бездушной машины, пресчитывающей вероятности, — звучала странно, почти пугающе.

— Поэтому, — Король поставил чашку, — это не единственная причина, по которой я вас вызвал. Талант, подобный вашему, нельзя зарывать в отчётах и рапортах. Он нужен здесь, в самой гуще. В том, что сейчас происходит.

Он замолчал, давая словам осесть, и Сергей почувствовал на себе новый, более пристальный взгляд. В нём не было проверки — было признание.

Он полез во внутренний карман пиджака. Движение было медленным, почти неохотным — будто он доставал не вещь, а собственную боль.

На стол лёг небольшой предмет, завернутый в чёрную замшу. Король развернул её.

Осколок.

Металл — обгорелый, оплавленный, с неровными, рваными краями. Часть обшивки, не больше ладони. Сергей заметил, что Йорк не дотрагивался до него, но его пальцы, сжимающие подлокотник кресла, побелели.

— Четыре дня назад, — Король смотрел на осколок, — рядовая яхта из флота Королевского протокола, "Неугасимая надежда", попыталась прорваться к резиденции.

Он сделал паузу.

— Это была не просто провокация. Трюмы яхты оказались начинены взрывчаткой. Вы знаете как на Земле с таким строго, но им удалось все это проташить в Солнечную систему и запихнуть в трюм. Если бы она достигла цели, в радиусе двадцати километров не осталось бы ничего. Ни дома. Ни сада.

Сергей почувствовал, как внутри всё сжалось. Двадцать километров — это не покушение, это уничтожение всего.

— Система ПВО сбила её на подлёте, — продолжал Король. — Но не сразу. За тридцать секунд до атаки системы безопасности отключились. Кто-то создал окно. "Неугасимая надежда" прорвалась очень близко. Ближе, чем кто-либо за всю историю этой резиденции.

— Кто был на борту? — спросил Йорк.

— Неизвестно. — Король покачал головой. — Генетические остатки экипажа ничего не дали — они не принадлежат ни членам охраны, ни известным личностям. Следов не нашли. Никто не взял на себя ответственность. Молчание. Это очень дорогая, нелогичная акция, и пока ни люди, ни машина не смогли достоверной просчитать причину и желаемые последствия.

— И всё-таки вы что-то нашли, — Йорк кивнул на осколок.

Король взял его, повертел в пальцах, поднёс к свету.

— Обратите внимание на маркировку, — Король повернул осколок. — На первый взгляд — стандартная, флотская. Но вот здесь, — он указал на едва заметную царапину под слоем окалины, — не заводской брак. Это гравировка. Не по уставу.

Он помолчал, давая Сергею и Йорку рассмотреть.

— Я отдал осколок на спектральный анализ. Состав сплава не соответствует протокольным яхтам. В нём микропримеси, которых там быть не должно. Кто-то переделывал корабль. Аккуратно, но недостаточно. А главное — вот здесь, под окалиной, проступила надпись.

Король поднёс осколок к свету. Сергей разглядел едва различимые символы: "Е. v. Н. — 2704".

— Эта яхта, — Король говорил тише, медленнее, — много лет возила мою младшую дочь. В основном короткие полёты на Луну, Марс, Венеру. Несколько раз на Кор Секундус. Элен не любит путешествовать. На капитальный ремонт не становилась. И по судовым документам этой детали вообще не должно быть на ней. Кто-то смог серьёзно модернизировать яхту у меня под носом. А потом попытался замести следы, надеясь, что сплав скроет гравировку. Не скрыл.

Сергей смотрел на осколок, и в голове сами собой складывались цифры. 2704. Двадцать лет назад. Технологии, которые никто не видел. И чьё-то имя — Е. v. Н.

Король перевёл взгляд на Йорка.

— Найдите мне того, кто это сделал, — голос Короля был спокоен, но в нём чувствовалась тяжесть, как у человека, который просит не о помощи, а о правде. — Живым или мёртвым. Мне нужно имя.

— И ещё. В обломках нашли микрочип — не военного образца. Он расплавился, но часть данных удалось восстановить. Там был фрагмент кода, который отключал защиту. Наши специалисты говорят, что код написан не профессионалами — любителями, но в нём используется часть исходного кода протокола «Свой-Чужой» который просто так утащить и встроить в этот чип нельзя. Очень талантливыми, но любителями.

Король посмотрел на Йорка.

— Это зацепка, Джон. Тонкая, но нить. Кто-то потратил годы, чтобы собрать эту бомбу, подогнать яхту, отключить системы. И при этом допустил детские ошибки в коде. Или... хотел, чтобы мы нашли этот чип.

Йорк взял осколок, завернул обратно в замшу, убрал во внутренний карман.

— Я проверю.

— Знаю. — Король откинулся в кресле, и Сергей заметил, как сильно он устал. Не физически — другой усталостью, той, что копится годами. — На меня никогда не было покушений. Это в целом лишено смысла. Мой сын, наследник Константин, просто унаследует власть. Убейте меня — система не рухнет, она переключится на него. Поэтому мы с ним почти никогда не появляемся в одних и тех же местах. Правило безопасности: корона не должна остаться без головы.

Сергей вспомнил лекцию в "Кузнице". Пакт о наследии. Тогда инструктор монотонно вещал с экрана:

"Первым ребёнком монарха обязательно рождается мальчик. Генетическая модификация плода утверждена Советом ещё во времена Первого Расширения. Это сделано, чтобы род не прерывался. Наследник воспитывается отдельно, с Королём почти не пересекается — на случай катастрофы".

Тогда Сергей подумал: "Железная логика". Теперь, глядя на осколок, он понял: железная логика — это когда ты готов пожертвовать двадцатью километрами земли, чтобы спасти идею. И когда твой собственный сын для тебя — не столько сын, сколько запасной вариант.

— Ваша задача, — Король перевёл взгляд с Йорка на Сергея, — найти тех, кто это сделал. Кто отключил системы. Кто собрал взрывчатку. Кто стоял за этим. Я даю вам полный доступ ко всем базам и любые ресурсы, какие запросите. Живых или мёртвых — но они должны ответить.

Пауза. Солнце переместилось, и тени стали длиннее.

— И последнее, — Король помолчал, словно взвешивал каждое слово. — "Неугасимая надежда" была любимой яхтой моей младшей дочери. Элен. Она часто на ней летала. Но в тот день... она не была на борту, она сейчас в турне по аграрным планетам, с ней все хорошо, но никто пока никто из детей не знает об этом инциденте.

Он замолчал, и в этой тишине было слышно, как где-то вдалеке поют птицы.

Сергей почувствовал, как внутри поднимается тяжёлый ком. Заговор, покушение, взрывчатка, яхта принцессы — и ни одного ответа. Только осколок с загадочной гравировкой.

— Я сделаю всё, что смогу, — сказал Йорк.

— Знаю, — Король поднял чашку. — Ещё чаю?

Йорк покачал головой.

— Нам пора.

Король кивнул, не настаивая. Он встал, и Сергей с Йорком поднялись следом.

— Держите меня в курсе, — сказал Король, пожимая Йорку руку. — И берегите себя.

Они развернулись и пошли обратно по дорожке. За спиной снова запели птицы. Солнце клонилось к закату, тени становились длиннее.

— Он знает больше, чем говорит, — тихо сказал Сергей, когда они отошли на достаточное расстояние.

— Всегда знает, — ответил Йорк. — Вопрос в том, что именно он скрывает. И зачем.

Он достал из кармана осколок, завернутый в замшу, и посмотрел на него.

— "Е. v. Н. — 2704". Начнём с этого. Нам нужны архивы. Полные. Старые. Те, до которых не добрался ни один взломщик. А это значит — Большой Административный Корпус.

— Подземный экспресс? — спросил Сергей.

— Он самый. Пять минут — и мы в сердце Федерации.

Им не пришлось возвращаться к флайтеру. Йорк свернул с дорожки к едва заметному павильону, скрытому за живой изгородью из стриженного самшита. Внутри — ничего, кроме скамьи и стальной двери без ручки. Йорк приложил ладонь к невидимой сенсорной панели. Дверь бесшумно ушла в сторону.

За ней открылся короткий коридор, залитый мягким белым светом, и платформа. Экспресс уже ждал — обтекаемая капсула из тёмного стекла и матового металла, без окон, с одним рядом кресел. Они сели. Дверь закрылась.

— Пять минут, — повторил Йорк.

Поезд двинулся без рывка, и через секунду Сергей почувствовал, как плавно нарастает скорость. Никакого шума, только лёгкое, едва уловимое гудение вакуумного туннеля.

Он закрыл глаза. Перед внутренним взором всё ещё стоял осколок с загадочной гравировкой.

Когда двери капсулы открылись, они оказались в небольшом, стерильно чистом помещении без окон. Ни души. Только два десятка массивных дверей лифтов по периметру напротив — одна был с маркировкой "АРХИВЫ", другая с лаконичным "А", третья имела римскую цифру «IX», ещё на одной был нарисовано «дерево». Для непосвящённого, было невозможно разгадать конечные станции лифтов.

— Личный вестибюль, — пояснил Йорк, первым шагая к лифтам. — Сюда допущены только рыцари КРС и высшие чины Совета. Никто из посторонних даже не знает о существовании этого тоннеля.

Сергей огляделся. Голые стены из полированного металла, приглушённый свет, запах озона и лёгкая вибрация под ногами — где-то глубоко внизу работали системы жизнеобеспечения. Ни столов, ни кресел, ни окон. Только абсолютная, почти угрюмая функциональность.

— "А" — что значит? — спросил он, кивая на второй лифт.

— Атриум. Главное здание БАКа. Министерства, штабы, кабинеты. Туда мы не пойдём. Нам в архивы.

Он коснулся панели рядом с дверью "АРХИВЫ". Лифт бесшумно открылся. Они вошли.

Двери закрылись, и кабина начала подъём — медленно, будто пробуя каждую опору, а потом резко ускорила. Сергей почувствовал, как пол уходит из-под ног, но привык к этому за годы службы.

— Долго? — спросил он.

— Тридцать секунд.

Внезапно лифт замер, и двери разъехались в стороны.

Они оказались в длинном, изогнутом коридоре с панорамными стенами из тонированного стекла. За стеклом открывалось то, от чего Сергей невольно остановился.

Большой Административный Корпус. БАК.

Он не ожидал увидеть такое.

Пространство уходило вниз и вверх одновременно — на десятки, а может быть, и сотни метров. Стёкла, металл, свет. Эскалаторы, мосты, переходы, движущиеся дорожки — всё переплеталось в сложную, живую сеть, по которой текла бесконечная река людей в строгой одежде. Где-то далеко внизу, сквозь прозрачные перекрытия, угадывалась земля — настоящая, с твёрдым полом, выложенным гранитом. А высоко-высоко, под самым потолком, сквозь огромные окна было видно голубое небо с редкими облаками.

— Это не просто здание, — тихо сказал Йорк. — Это город внутри города. Министерства, штаб гиперпространственной безопасности, Зал Совета, Крипто-аналитическое бюро... Всё здесь. И люди, которые работают тут, чувствуют себя богами. Потому что от их решений зависят судьбы планет.

Сергей молча смотрел. Люди внизу копошились как муравьи, но в каждом жесте угадывалась целеустремлённость, которая не снилась жителям ОР-7. Все они — от курьеров с планшетами до высоких чиновников в идеально сидящих костюмах — были винтиками одной машины. Машины, которая перемалывала судьбы миллиардов.

— А рабочий кабинет Короля? — спросил он, вспомнив предыдущий разговор.

— Там, — Йорк кивнул куда-то вверх, в сторону неба. — В башне. Никто из нас там не был. И вряд ли побывает.

Он отвернулся от панорамы и пошёл по коридору. Сергей — за ним, стараясь не глазеть по сторонам, но всё равно то и дело ловил себя на том, что разглядывает лица прохожих за стеклом. Каждое из них казалось ему подозрительным. Или слишком спокойным.

Коридор привёл их к массивной двери из серого металла. Надпись гласила: "ОСОБЫЙ АРХИВ ФЕДЕРАЦИИ. ВХОД ПО СПЕЦИАЛЬНЫМ ПРОПУСКАМ".

Йорк приложил ладонь к сенсорной панели. Тишина. Потом другой сенсор — для сетчатки. Ещё один — для голосовой пробы. Дверь щёлкнула и медленно, с тяжёлым достоинством, начала открываться.

Внутри их встретил тихий, почтительный гул систем охлаждения. Ряды голографических стоек, стеллажи с кристаллическими накопителями, несколько столов для работы с засекреченными материалами. И библиотекарь — пожилой мужчина в старомодных очках, которые смотрелись здесь так же странно, как живой мох на крыше королевского дома.

— Джон, — библиотекарь удивлённо кивнул, не вставая. — Давно не заглядывал. Что ищешь?

— "Е. v. Н. — 2704", — Йорк продиктовал библиотекарю. — Мне нужно знать, что это.

Библиотекарь не задавал лишних вопросов. Его пальцы запорхали над голографической панелью, запуская поиск по закрытым базам. Экран мигнул раз, другой. Выдал предупреждение: "ДОСТУП ТРЕБУЕТ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ УРОВНЯ "КРАСНЫЙ"".

— У тебя есть мандат? — спросил библиотекарь, не оборачиваясь.

Йорк молча достал из кармана чёрную пластину с голографической печатью Короля. Библиотекарь взял её, поднёс к считывателю. Тишина. Потом зелёный индикатор и короткая трель.

— Добро пожаловать в клуб, — пробормотал он, возвращая мандат. — Поиск продолжен.

Он снова углубился в экран.

— Инициалы... "Е. v. Н."... таких комбинаций немного. Сокращение может означать название фирмы или личное клеймо инженера.

Он сделал паузу, ожидая, пока система переберёт варианты.

— Есть совпадение. "Энергетические системы фон Хоффмана". Основатель — Эрик фон Хоффман. Маленькая закрытая лаборатория в системе 51 Эридана, лабораторный комплекс "Тектор-2", работала по заказам флота. Существовала двадцать лет назад.

— Что за деталь 2704? — спросил Сергей.

Библиотекарь углубился, открывая вложенные файлы. Часть данных оказалась зашифрована, но базовое описание высветилось.

Йорк перегнулся через плечо библиотекаря, вглядываясь в экран.

— 2 — номер лаборатории внутри фирмы, — пояснил библиотекарь. — 7 — номер проекта. 04 — код заказчика. Эту деталь — экспериментальный купол для генератора направленного электромагнитного подавления. Устанавливался на спецсредства для дистанционного отключения электронных систем противника. — Он поднял глаза. — Не оружие, скорее инструмент спецопераций. Очень эффективный.

— Кто заказчик под кодом 04?

Библиотекарь потянулся к сенсорной панели, но система выдала новое предупреждение: "ГРИФ "СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО". НЕОБХОДИМА АВТОРИЗАЦИЯ СОВЕТА".

— Нужен Совет? — нахмурился Йорк.

— Таковы правила. Но, — библиотекарь понизил голос, — в мои годы я уже не так трепетно отношусь к правилам. Тем более, когда у тебя мандат Короля.

Он нажал несколько клавиш в обход, и на экране проявилось название: "Консорциум-04". Библиотекарь поискал дальше, но система выдала лишь сухие строки: ликвидирован, архивы засекречены, физический адрес — закрытая верфь на окраине Солнечной системы.

— Дальше не пробиться, — библиотекарь развёл руками. — Заказчик "04" — это некая верфь, где строили экспериментальные корабли для флота. Название стёрто. Заказчик числится как "ликвидированная структура". Явно кто-то очень постарался замести следы.

— Связь с фон Хоффманом была?

— Прямая. Они заказали эту деталь. А потом — тишина. Деньги ушли, деталь изготовили... и она числится сгоревшей. — Библиотекарь снова зашуршал файлами. — Но самое интересное: по документам деталь сгорела при пожаре в лаборатории №2 пятнадцать лет назад. Акт списания, показания свидетелей, всё чин по чину. Только вот... — он повернулся к Йорку, — на вашем осколке нет следов термического уничтожения. Сплав резали лазером. Кто-то выкрал деталь до пожара.

— Кто работал на складе? — спросил Йорк.

Библиотекарь запустил новый поиск. Экран замигал, выдавая список имён, сопровождаемых пометками "умер", "пропал без вести", "архив недоступен".

— Одного уволили за две недели до пожара. Остальные... — он покачал головой, — почти все мертвы. Аварии, инсульты, самоубийства. Слишком много для совпадения.

Он увеличил одну из записей.

— Техник Ларс Хауген. Уволился по собственному желанию. После увольнения след теряется. Последняя регистрация — космическая ферма в поясе астероидов, система Цефея-9.

— Цефея-9? — Сергей нахмурился. — Туда Лиза полетела.

Йорк кивнул.

— Свяжись с ней. Пусть проверит этого Хаугена. Возможно, он что-то видел или слышал. Станных посетителей, необычные контейнеры, лишние вопросы.

Библиотекарь потянулся к панели, но система снова замигала: "ЗАПРОС НА ВЫГРУЗКУ ДАННЫХ. ПОДТВЕРДИТЕ УРОВЕНЬ ДОСТУПА". Йорк повторно приложил мандат. Экран погас, потом засветился — теперь на кристалл-накопитель, который библиотекарь вставил в считыватель, начали копироваться файлы.

— Вот, — сказал он, извлекая чёрный матовый кристалл. — Всё, что у меня есть. Фон Хоффман, заказчик "04", список сотрудников, последние координаты Хаугена. Больше ничем помочь не могу.

Они вышли из архива, оставив за спиной тишину и ряды данных, в которых теперь была спрятана нить, ведущая к заговорщикам.

Когда они снова оказались в атриуме БАКа, Сергей в последний раз окинул взглядом это огромное, пульсирующее жизнью пространство. Министерства, штабы, кабинеты. Здесь, в этом сердце Федерации, за красивыми фасадами и идеальными коридорами, пряталась правда.

Осколок с гравировкой "Е. v. Н. — 2704" тяжело лежал в кармане Йорка. Нить начинала распутываться.

Глава 2. "04"

На выходе из архива Йорк достал коммуникатор. Экран мигнул — короткое сообщение от службы протокола Короля.

— Флайтер перегнали на крышу, — сказал он, пробежав глазами строки. — Сектор "Альфа-7". Король распорядился, чтобы мы не возвращались через резиденцию.

— Экономия времени?

— Или нежелание светить нас лишний раз перед семьёй. Не важно. Идём.

Они поднялись на лифте на самый верх — на крышу Большого Административного Корпуса. Двери открылись, и Сергей шагнул под открытое небо. Взлётная площадка встретила их холодным ветром и низкими облаками, которые отсюда, с высоты нескольких сотен метров, казались бесконечной серой пеленой. Флайтер стоял наготове, приткнувшись к разметочным огням, его двигатели тихо гудели в режиме ожидания.

Йорк молча забрался в кабину. Сергей — следом.

Флайтер оторвался от крыши, резко набрал высоту, и БАК остался внизу — гигантский муравейник из стекла и металла, где кипела та самая власть, о которой Йорк говорил с такой смесью уважения и брезгливости.

— Теперь Цефея-9? — спросил Сергей, когда здание скрылось за облаками.

— Сначала свяжемся с Лизой. Узнаем, что она успела нарыть.

На борту яхты, куда они перешли прямо с флайтера, было тихо и пусто...

Вызов шёл долго — почти минуту. Потом экран засветился, и Сергей увидел Лизу. Она сидела в каком-то тёмном помещении — то ли в рубке небольшого челнока, то ли в камере при ферме. На лице — тени и усталость. Но глаза оставались живыми.

— Джон, Серёжа, — она кивнула, не улыбаясь профессионально, но уголки губ чуть дрогнули, когда взгляд упал на Сергея. — Я вас слушаю.

— У нас есть имя, — Йорк подался вперёд, не замечая (или делая вид) этого короткого обмена взглядами. — Техник Ларс Хауген. Работал в лаборатории №2, где хранилась деталь с нашего осколка. Уволился за две недели до пожара. Последняя регистрация — космическая ферма в твоём секторе, система Цефея-9.

— Новое дело? — уточнила Лиза, посмотрев на Сергея.

— Не для открытого канала, — ответил он. — Старая история, всплывшая сегодня. Фон Хоффман, закрытая верфь, заказчик "04". Хауген — единственная нить.

Лиза кивнула, не задавая лишних вопросов.

— Как у тебя с погодой? — спросил Йорк.

— Моросит, — ответила Лиза, и Сергей понял: это не про погоду. Их код означал: "всё спокойно, но есть мелкие помехи, буду осторожна". — Ферма называется "Орбитальный сад". Старая, полузаброшенная. Здесь таких несколько. Найду.

— Будь аккуратна, — сказал Сергей, и голос его стал чуть мягче. — Хауген может быть не один. И неизвестно, кто ещё его ищет.

— Знаю, — Лиза посмотрела на него чуть дольше, чем требовалось для рапорта. — Кстати, Серёжа, ты не забыл взять с собой тот самый... чай? А то у нас здесь только синтезированная бурда.

Йорк нахмурился, переводя взгляд с экрана на Сергея. Тот, не моргнув глазом, ответил:

— Заварочник на месте. И пиалы. Не волнуйся, не разобью.

— Смотри у меня, — Лиза почти улыбнулась, но тут же снова стала серьёзной. — Вопросы по заданию будут?

Йорк, который всё это время делал вид, что его совершенно не интересуют чайные церемонии, кашлянул.

— Один. Если найдёшь Хаугена — не дави сразу. Просто поговори. Выясни, что он помнит о странных посетителях, о заказчике "04". И только если начнёт петлять — тогда включай "убеждение". И помни: это дело не стоит твоей шкуры. Если что — просто уходи.

— Поняла, командир. — Лиза кивнула. — Допрошу. Если что — выйду на связь.

— Ждём, — Йорк отключился.

Сергей откинулся в кресле, глядя на потухший экран. Йорк, не оборачиваясь, бросил:

— Чай, значит? Заварочник? — Он покачал головой. — Ничего не понял. Но чувствую, что вы оба что-то задумали.

— Ничего, командир, — Сергей позволил себе лёгкую улыбку. — Просто... синхронизация.

Йорк хмыкнул и отвернулся к пульту вбивая в навигационный терминал новые координаты за пределами Солнечной системы. Но Сергей заметил, как дрогнули его плечи — может быть, он всё-таки понял. И даже одобрил.

* * *

Планета, которую в навигационных картах значили как Цефея-9, оказалась обманчиво красивой. С орбиты — зелёно-голубой шар с вкраплениями облаков, похожий на Землю до катастрофы. Вблизи — бескрайние поля, уходящие за горизонт. Пшеница? Сой? Лиза не раз-

биралась в сельском хозяйстве. Но масштаб впечатлял: одинаковые прямоугольники посевов, пересечённые ровными линиями ирригационных каналов уходящие далеко за горизонт. Ни деревьев, ни холмов — только гладкая, идеально размеченная поверхность. Вдали медленно ползли по полю огромные комбайны без кабин — полностью автоматические, похожие на доисторических жуков.

Фермы здесь были разбросаны на сотни километров друг от друга. "Орбитальный сад" оказался не садом, а старым, полузаброшенным перерабатывающим комплексом, прилепленным к краю одного из полей. Лиза приземлилась на посадочную площадку, заросшую сорняками, и вышла из челнока.

Воздух был сухим, пахло пылью и чем-то сладковатым — возможно, цветущей гречихой. Ветер гнал по земле пыльные вихри. Ни души.

Первым, кого она встретила, был старый фермер, сидящий на покосившейся скамейке у входа в ангар. Его комбинезон когда-то был синим, но выцвел до бледно-серого, лицо изрезано морщинами, руки в мозолях и едва заметной тряске. Он точил нож — старый, ручной работы, но лезвие блестяло.

— Здравствуйте, — сказала Лиза. — Мне нужен Ларс Хауген.

Фермер поднял на неё глаза — выцветшие, водянистые, но внимательные.

— Хауген? — переспросил он, не прекращая точить. — Давненько тут никто никого не искал. Ты кто ему?

— Старый знакомый. Хочу поведать.

— Поведать? — Фермер усмехнулся, сплюнул сквозь зубы. — Тут не поведывают. Тут работают, пока не сдохнешь. - Но если хочешь узнать про него — ступай в бар. "Слепой крот". За главной столовой. Там работает Мара — она всех знает, кто на ферме последние десять лет. Если кто и помнит твоего Хаугена, так это она.

Он кивнул куда-то в сторону длинного приземистого здания, из трубы которого вился редкий дымок.

— Иди прямо. Как упрёшься в старый комбайн — поверни налево. Не ошибёшься.

Лиза поблагодарила и пошла по указанному маршруту. За спиной фермер снова принялся точить нож, и этот звук долго преследовал её среди полей.

Лиза пошла дальше, к главному зданию — старому ангару, переделанному под столовую и бар. Вывеска над дверью гласила: "У Слепого Крота".

Внутри было темно, накурено (чем-то растительным, не синтезированным), пахло жареным мясом и дешёвым алкоголем. За стойкой — женщина лет сорока, с усталым лицом и руками, покрытыми мозолями. В углах сидели несколько мужчин в грязных комбинезонах — рабочие, закончившие смену.

Лиза села за стойку. Положила перед собой купюру в 5 кредитов.

— Виски. Двойной. И информацию.

Женщина за стойкой взглянула на деньги, потом на Лизу.

— О ком?

— Ларс Хауген. Работал здесь лет пять назад. Техник.

Барменша налила виски, сдвинула стакан к Лизе.

— А ты кто? Журналистка? Коп?

— Друг, который хочет ему помочь.

— Друзья у него были? — Барменша усмехнулась, но деньги взяла. — Хауген работал то там, то сям, последний раз в складе. Потом его перевели на нижние уровни, где старые реакторы. Там слишком пыльно и неудобно. Никто туда не суётся.

— Он жив?

— Последний раз я видела его... месяца три назад. Заходил, выпил пару бокалов. Выглядел паршиво. Сказал, что на складе кто-то роется. Я спросила — кто? Он не ответил. Ушёл.

Лиза допила виски, не чувствуя вкуса.

— Как попасть на нижние уровни?

— Иди к северному шлюзу. Там лифт... если работает. Но, девушка, — барменша понизила голос, — пару вчера сюда прилетали люди. В чёрном, с оружием. Тоже спрашивали Хаугена. Я им ничего не сказала. Но они пошли вниз. И не все вернулись.

— Кто не вернулся?

— Один. А может, двое. Я не считаю. И тебе советую забыть про Хаугена. Он уже мёртв. Или почти.

Лиза положила на стойку ещё одну купюру.

— Спасибо. За виски и за совет.

Она вышла из бара. Солнце клонилось к закату, окрашивая поля в багровый цвет. Северный шлюз нашёлся быстро — массивная гермодверь с налётом ржавчины, рядом — лифт, который, к счастью, запустился.

Кабина поехала вниз. Глубоко. Лифт остановился на отметке "Уровень -4". Двери открылись в полумрак.

Коридоры — узкие, с низкими потолками, стены из необработанного камня. Кое-где вмурованы аварийные светильники, но большинство перегорели. Воздух спёртый, с запахом озона и горелой изоляции. И тишина — только далёкая, равномерная капель.

— Хауген? — позвала Лиза. Тишина.

Она пошла по коридору, держась стены. Внезапно — шорох. Сзади. Она резко обернулась — никого. Но тень на стене была не её.

— Выходи, — сказала она негромко. — Я без оружия.

В ответ — выстрел. Парализаторная игла впиалась в стену в сантиметре от её плеча. Лиза кувыркнулась в сторону, уходя из зоны поражения, одновременно выхватывая свой бластер. Ещё один выстрел — мимо. Она увидела силуэт в конце коридора и выстрелила на подавление, целясь в потолок над ним — посыпалась каменная крошка, заставив нападавшего пригнуться.

Лиза рванула вперёд, используя его секундную дезориентацию. Удар ногой по руке с оружием, глухой звук, и человек рухнул на колени. Второй удар — и он затих.

Она включила фонарь на запястье. На полу лежал мужчина лет сорока, в чёрном тактическом костюме без опознавательных знаков. Дорогое снаряжение, но лицо простое, не запоминающееся.

Лиза быстро обыскала его. Армейский коммуникатор (зашифрован), нож, запасные обоймы, и — бумажную записную книжку. Старомодно, но в таких не оставляют цифровых следов. Внутри — чистые страницы, только одна запись карандашом: "Хауген – склад №4, уровень -6".

Значит, она на правильном пути. Но кто-то опередил её — этот наёмник явно искал техника не для того, чтобы поболтать. А может, их несколько.

Она связалась по закрытому каналу с Сергеем. Связь была прерывистой, но прошла.

— Серёжа, — прошептала она, — на ферме нечисто. Кто-то охотится за Хаугеном. Я нашла наёмника. Мне нужно спускаться ниже. Если через час не выйду на связь — идите за мной. Я на уровне минус 4, склад №4 будет на минус 6.

— Лиза, подожди, — начал было Сергей, но связь прервалась. Лиза выругалась, убрала коммуникатор.

Она перешагнула через тело мертвого наёмника и двинулась дальше, в глубь. Коридор становился всё уже, стены — голый камень, укрепленный ржавыми балками. Воздух спёртый, пахло машинным маслом и старым железом. Потом добавился запах крови.

Лиза замедлила шаг. Прижалась к стене. Впереди, из-за поворота, бил тусклый свет переносной лампы. Слышались голоса — хриплый, командный, и второй, слабый, прерывающийся. Хауген.

— ...всё, он нам больше не нужен, — сказал первый. - Мочи его и зачистим место

Звук шагов, затем тишина. Лиза выждала секунду, выглянула.

Двое. Оба в чёрных тактических костюмах, без опознавательных знаков. Один стоял, скрестив руки, следя за проходом. Второй сидел на корточках перед Хаугеном — техник был примотан скотчем к старому креслу, лицо в кровоподтёках. Рядом валялись два трупа — видимо, Ларс дался им не просто так.

Лиза вжалась в стену. Сердце колотилось, но дыхание держала ровно. Пальцы сжали рукоять бластера — заряженного усиленными патронами ПБ-14 изготовленными из плазмолита. Материал добывали в системе Тау Колец — ничем не примечательном промышленном узле, где плазмолит штамповали миллионами патронов. В простонародье его называли "геен-нийский кристалл" — из-за характерного адского свечения при разряде. В основе материала лежала искусственно выращенная квантовая решётка, способная накапливать колоссальную энергию в межатомных связях. При подаче короткого электрического импульса определённого вольтажа эта решётка мгновенно распадалась — межатомные связи рвались, превращая твёрдое тело в сгусток высокотемпературной ионизированной каши, известной как плазма. Удерживали её в стволе электромагнитные поля, а разгоняли пять последовательных электромагнитов (в пехотных винтовках их было пятнадцать — разница в дульной энергии была десятикратной). Сгусток покидал ствол со скоростью 3,7 километра в секунду — вдесятеро быстрее обычной пули. Никакого хлопка пороховых газов, только короткое шипение высоковольтного разряда да лёгкий треск соприкосновения плазмы с воздухом, тонущий в шуме вентиляции. Бронированный тактический костюм? Не проблема. Плазма прожигала его раньше, чем нервные импульсы добежали до пальцев.

Один выстрел — и человек не встанет.

Она представила, как бы поступил Йорк. Не геройствовал бы. Выбрал бы момент, когда они расслаблены, и уничтожил обоих до того, как они успеют выдохнуть. Холодно. Без жалости.

Но лампа висела прямо над наёмниками, освещая всё. Если выстрелить в человека, второй мгновенно среагирует. А если в лампу — темнота даст фору, но выстрел будет замечен.

Она подняла с пола камень — обломок бетонной крошки. Метнула в противоположный конец коридора. Камень глухо стукнулся о стену, отскочил, покатился.

Наёмники среагировали мгновенно. На отточенных рефлексх сначала стрелять, потом думать, они одновременно выхватили оружие и выстрелили на звук — две короткие очереди в темноту. Пули застучали по камню, подняв облачко пыли. Затем один из них включил мощный тактический фонарь на стволе, луч заметался по коридору.

Это заняло три секунды. Три секунды, пока они стреляли и подсвечивали, Лиза вышла из тени.

Она не стала целиться в лампу. Теперь у неё были те самые секунды, пока их глаза привыкают к свету собственных фонарей и они не переключились обратно на Хаугена. Два выстрела. Бесшумные, короткие хлопки. Первый сгусток плазмы вошёл в затылок тому, кто стоял у стены

— он рухнул без звука. Второй — в грудь коренастому у Хаугена, прямо в щель между броне-пластинами. Тот дёрнулся, выронил пистолет и осел на пол, не успев даже вскрикнуть.

Тишина. Только запах горелой плоти.

Лиза опустилась на колени, перерезала скотч. Хауген смотрел на неё мутными, затухающими глазами. Пулевая рана в животе — смертельная. Кровь текла быстро.

— Слушай меня, — сказала она негромко, наклоняясь к самому его лицу. — Ты всё равно не жалец. Это честно. Скажешь мне правду — я дам тебе обезболивающее. Уйдёшь без боли. Наёмники пытали тебя, но ты молчал. Мне можешь сказать. Я от Короны.

Хауген закашлялся, кровь потекла по подбородку. Глаза на секунду сфокусировались.

— Обезболивающее? — прохрипел он.

— Да. — Лиза достала шприц-тюбик, показала ему. — Стимулятор. Уберёт боль, даст силы говорить. Минуты три, не больше. Но ты ничего не почувствуешь. Я вижу, как ты устал от пыток.

Он кивнул в знак согласия, и она вколола ему в шею, возле ключицы. Хауген дёрнулся, потом его лицо разгладилось. Дыхание выровнялось, взгляд стал почти осмысленным.

— Спрашивай, — выдохнул он.

— Пятнадцать лет назад, лаборатория №2, — торопила Лиза. — Ты видел, как забирали деталь перед пожаром. Кто был этот человек?

Хауген закрыл глаза на секунду, вспоминая.

— Пришёл мужчина. Ничего особенного: дорогой костюм. С виду — чиновник среднего звена или менеджер из корпорации. С ним начальник склада о чем-то разговаривал. Я стоял у стеллажа, проверял накладные, меня не замечали, но я ничего не слышал.

Он сглотнул, помолчал.

— И вот этот мужчина протягивает начальнику бумаги. И рукой... он сделал так, — Хауген слабо шевельнул пальцами: три пальца вперёд, чуть сжаты. — Быстро, незаметно. А начальник понял. Сразу. И ответил тем же. Просто дотронулся до этих трёх пальцев своими подошечками. Секунда — и всё. Я даже не понял, что это было, но начальник после этого стал спокойным. Кивнул и что-то сказал: толи «Слушаюсь», толи «Исполню».. я не помню...

Лиза слушала, не перебивая.

— Потом мужчина полез в карман за документами, и в этот момент сканер на потолке — старый, его давно не калибровали — повернулся. И его лазерный луч скользнул по его шее. И что-то блеснуло. Клеймо, девушка. Не татуировка — маленький значок, вживлённый под кожу, на сантиметр ниже уха. С такого расстояния деталей не разобрать, но видно было: круги, треугольники, пересекающиеся линии. Простые фигуры, а сложены вместе — как схема или знак. Это было буквально секунду, никто другой не мог видеть, но я запомнил.

Хауген перевёл дух.

— Потом он сказал начальнику: "Деталь заберём сегодня". И они ушли. А через неделю лаборатория сгорела.

— Ты никому не рассказывал?

— Нет. Испугался.

Хауген замолчал. Глаза его закатились, дыхание стало прерывистым. Стимулятор кончился. Лиза наклонилась к самому лицу.

— Три пальца? Жест? Клеймо из кругов и линий? Ты уверен?

— Да... — прошептал он. —...

Он не договорил. Рука безвольно упала.

Лиза посидела ещё минуту, потом встала. Убрала шприц. Посмотрела на мёртвых наёмников, на тело Хаугена. Три пальца. Клеймо из кругов и линий.

Она достала коммуникатор, набрала Сергея:

— Серёжа, Хауген мёртв. Но я знаю больше. За деталью пятнадцать лет назад приходил человек в штатском. Он использовал тайный жест — странное рукопожатие тремя пальцами, и начальник склада ответил тем же. Значит, пароль. Потом лазер со сканера высветил на его шее клеймо под кожей — круги, треугольники, линии, простые фигуры, как схема. Проверь, на какую секту, которая действовала в Федерации 15 лет назад, это похоже. Наёмников было трое, нейтрализованы. На них никаких следов или зацепок. Я возвращаюсь.

— Понял, — голос Сергея был напряжён. — Ждем стыковки на орбите. Мы на подлёте.

Лиза убрала коммуникатор, бросила последний взгляд на техника и пошла к выходу, перешагивая через тела.

* * *

В рубке было тихо. Йорк сидел за пультом, его пальцы бегло скользили по сенсорной панели, запуская какой-то долгий, многоступенчатый протокол. Сергей стоял у него за спиной, не мешая.

— Что делаешь? — спросил наконец.

— Секретный протокол «Глубокий зонд», — ответил Йорк, не оборачиваясь. — Подключаюсь к архивному терминалу КРС на базе «Тихий ручей» через ближайший ретранслятор связи. Это в поясе астероидов, старый узел связи, который никто не использует. Но он всё ещё активен и напрямую связан с хранилищами данных. Нам нужно больше данных по секте, а через обычные каналы мы уже всё выбрали.

Экран мигнул, засветился голубоватым светом, затем на нём поплыли иерархические списки баз данных, запросы доступа, подтверждения уровня секретности. Йорк приложил мандат Короля к считывателю на пульте. Тишина. Потом зелёный индикатор и короткая трель.

— Доступ подтверждён. Ищем по ключевым словам: «три пальца», «геометрические фигуры»

Экран погас на секунду, затем выдал три результата. Йорк развернул их на главный дисплей.

— Вот. Дело почти столетней давности. Операция СОТРА двадцатилетней давности. И наш рапорт по операции «Чистое небо». Читайте.

Из шлюза донесся звук стыковки — Лиза заходила внутрь. Сергей невольно подался вперёд, ловя себя на том, что всё это время ждал этого звука. Когда дверь рубки открылась и Лиза появилась на пороге — уставшая, с красными глазами, но всё ещё собранная, — он удержался от того, чтобы встать. Только чуть расслабил плечи и коротко кивнул.

Лиза вытерла лицо влажной салфеткой, бросила её в утилизатор и перевела взгляд на Сергея. В нём мелькнуло что-то тёплое, почти неуловимое — облегчение от того, что он здесь, жив, что они снова вместе. Но она тут же отвела глаза, пряча эту секундную слабость за привычной деловой маской.

— Что пропустила? — спросила она, занимая кресло.

Йорк, не поднимая головы от пульта, ответил:

— Историю Ордена. Садись, смотри.— Историю Ордена, — сказал Йорк. — Садись, смотри.

Документ № 1

Департамент общественной безопасности Федерации

Отдел по борьбе с экстремизмом

Гриф «Для служебного пользования»

Рапорт о деятельности «Братства равной доли» (впоследствии «Орден Справедливого Равенства»)

Период: 2645–2655 гг.

Составил: инспектор Ли Вэй

В 2645 году в системе Сектор-63 (аграрная колония) возник кружок интеллектуалов под руководством Пракаш Чаухан, философа-самоучки. Пракаш проповедовал равенство всех звёздных систем, критикуя «диктатуру центральных миров». Первые десять лет движение носило мирный характер: дискуссионные клубы, публикация манифестов, сбор подписей за переустройство Федерации на «октагональной» основе. Однако после отказа Совета рассматривать петиции (2653 г.) Фогель радикализировался.

В 2654 году последовали первые акции гражданского неповиновения: блокирование грузовых терминалов, захват ретрансляторов в знак протеста. Власти ответили арестами. В 2655 году группа последователей Пракаша попыталась захватить оружейный склад на планете Нойхаузен-26. При вмешательстве полиции завязалась стрельба, погибли двое полицейских и семеро членов «Братства». Пракаш Чаухан, был убит при штурме его штаб-квартиры.

Организация была запрещена, большинство членов осуждены. Однако часть ушла в подполье, разбившись на малые ячейки. Последующие 30 лет о них практически ничего не было слышно.

Приложение: копия манифеста Пракаш Чаухан «О равенстве октагонов».

«Ниже манифеста не было — только пометка «Уничтожен по ветхости». Лиза покачала головой:

— Столетие назад всё начиналось почти мирно. А потом ушло в подполье и затаилось.

Йорк мрачно усмехнулся:

— Тише вода под землёй течёт.

Документ № 2

Объединённое командование СОТРА

Штаб по противодействию терроризму

Гриф «Секретно. Особая папка»

Оперативная сводка по нейтрализации ячеек «Ордена Новой Доли»

Период: 2710–2713 гг.

Составил: полковник Крайцер К.К.

После десятилетий молчания в 2710 году зафиксирована новая волна активности. В университетских центрах (планеты Кор Секундус, Новая Афина, Альтаир-5) прошли мирные протесты под лозунгами «Равенство систем» и «Остановите диктатуру рынка». Следствие установило, что эти выступления координировались подпольными структурами, использующими пароль «Октагон ждёт» и опознавательный жест (три пальца). Финансирование протестов шло от сочувствующих представителей богатых семей, уставших от коррупции Совета.

Одновременно с мирными акциями произошла серия терактов:

12.02.2711 — подрыв ретранслятора гиперсвязи в системе Тау Колец;

04.06.2711 — взрыв в зале биржевых торгов на Альдебаране-3;

19.11.2712 — попытка диверсии на верфи «БХ-33/04» (срыв поставок двигателей для флота).

В ходе операции «Осенний ветер» (2713 г.) СОТРА совместно с полицией провели массовые задержания: арестовано 2342 человека, из них 158 организаторов. Изъята литература с пропагандой «октагонов», «плановой экономики» и «принуждения к благу». Рядовых участников распустили, лидеры получили сроки до 20 лет на каторжных планетах. Однако некоторые ячейки избежали разгрома и вновь ушли в глубокое подполье.

Вывод: Орден обладает высокой способностью к регенерации. Вероятно, сохраняется центральное руководство.

— Это объясняет, как они выжили, — сказал Сергей. — Сначала мирные протесты, которые никто не связывал с терактами. А финансирование от богатых семей — интересный штрих.

Лиза добавила:

— Богатые, которые устали от власти Короля. У них свои счёты. А Орден использовал их как кошелек, а потом выбросит, когда придёт к власти. В их уставе нет места частному богатству.

Документ № 3

Королевский рыцарский совет (КРС)

Оперативный отдел

Гриф «Совершенно секретно. Рассекречено по мандату»
Итоговый рапорт операции «Кузнечный молот» по ликвидации Ордена Равной Доли
Дата: 25.12.2715

Составил: рыцарь КРС Л. В. Берг

Предыстория. В 2714 году получены агентурные данные о возрождении Ордена под старым названием "Орден Всеобщего Блага", в простонародье "Октагонщики". Орден восстановил иерархию: Проводник, 8 Голосов, по числу сторон восьмиугольника, Хранители, Привратники. Центральная база обнаружена в заброшенной археологической колонии «КА-635/2» (система Денеб).

Ход операции. Штурм базы и ячеек ордена в 12 системах, включая Кор Секундус, проводили отряд КРС при поддержке спецназа флота. В ходе боя уничтожено 47 членов Ордена, включая Проводника (установленная личность: Михаэль Ланге, бывший профессор экономики, подозревался в связях с корпоративными кругами). Захвачены архивы с детальными планами переустройства Федерации: «Этапы ослепления, обезглавливания, пробуждения, принуждения, воспитания».

Результаты. Арестованы 7 из 12 Голосов, остальные покончили с собой. Хранители и Привратники частично уничтожены, частично рассеяны. Архивы конфискованы, часть уничтожена из-за повреждений. Несколько членов внутреннего круга добровольно сдались и дали показания. Среди них — Джеймс Вуд (кодовое имя "Библиотекарь"), бывший Привратник. В настоящее время под постоянным надзором СОТРА работает на офисной должности в каком-то комитете в Административном квартале Н-9. Его настоящее имя и учётные данные известны только начальнику отдела кадров комитета и уполномоченным сотрудникам КРС.

Вывод. Орден Всеобщего Блага можно считать уничтоженным как организованная структура. Однако ввиду наличия неарестованных Голосов и возможности сохранения подпольных ячеек, рекомендуется периодический мониторинг и готовность к повторной активации.

Особые отметки: при изучении архивов обнаружены чертежи устройства, названного "Ключ". Согласно технической документации, устройство генерирует сверхмощный электромагнитный импульс широкого спектра действия, способный выводить из строя электронные системы управления, наведения и пуска ракет, а также иные бортовые компьютеры любой военной техники в радиусе нескольких тысяч километров. ПК противника, логические модули, системы связи — всё превращается в бесполезный хлам. Главная особенность — не требует близкого подхода к цели. Чертежи переданы на экспертизу и дальнейшее изучение.

Вот ещё короткая хроно-справка — Джон открыл короткий документ с датами.

2670 г. Первые упоминания о секте в донесениях патрулей пояса астероидов.

2610–2613 гг. Пик активности: диверсии на гиперпортах, подрыв маяков, саботаж на верфях «22» и «112».

2615 г., начало. Агенты КРС выявляют центральную базу секты — заброшенная археологическая колония «Ковчег» в системе Денеб. Операция «Кузнечный молот».

Результаты операции «Кузнечный молот»:

Проводник (третий по счёту) — Густав Вандер (бывший офицер корпоративной безопасности) — убит при штурме.

Клеймо Проводника изъято и уничтожено.

Задержаны 7 из 12 «Голосов», остальные покончили с собой.

Архивы секты конфискованы.

После 2715 г.: Секта официально считается разгромленной. Последние десять лет — полное радиомолчание со стороны любой структурированной организации.

— «Ключ», — прочитал Сергей. — Десять лет назад они уже работали над чем-то похожим на часть детали, которую нам дал Король. Не успели доделать?

— Или успели, но уничтожили чертежи, — предположила Лиза.

Йорк отложил планшет.

— Всё сходится. Ордену почти сто лет. Они пережили разгромы, затихали, потом снова набирали силу. Десять лет назад мы ударили по ним, убили Проводника, арестовали Голосов. Но некоторые ушли. И, похоже, за десять лет они восстановились. А теперь у них хватило наглости или отчаяния ударить по самому Королю. Только теперь их планы масштабнее — не просто университетские протесты и подрывы ретрансляторов.

— И нам нужен тот, кто знает об Ордене больше, чем есть в отчётах, — сказал Сергей. — Перебежчик "Библиотекарь". Сейчас он работает на офисной должности в каком-то комитете на Кор Секундус. Его настоящее имя и учётные данные есть в защищённой информационной системе СОТРА. Если он десять лет назад был Привратником, то видел внутреннюю кухню. Ритуалы, иерархию, возможно, имена тех, кто остался на свободе, но тогда были не интересны СОТРА или КРС. Может даже знает старые тайные убежища, которые не всплыли в архивах. Того заказчика "04" в плаще с клеймом — он мог знать в лицо или по описанию.

— Согласен, — Йорк кивнул. — Он не укажет нам координаты нынешней базы — иначе мы бы её уже взяли. Но он может дать ключи к тому, как Орден восстанавливается, кто их сочувствующие в верхах, как они передают приказы. Это поможет нам выйти на след.

— И поймём, кто стоит за покушением на Короля, — добавила Лиза. — Хотя бы направление.

— Тогда курс — Кор Секундус, — сказал Йорк. — Готовьтесь к разговору с параноиком. Лиза, подготовь вопросы. Сергей, возьми с собой распечатки этих отчётов — он явно не доверяет электронике, будем показывать бумаги. И мандат Короля.

— А если он откажется говорить? — спросила Лиза.

Йорк подошёл к иллюминатору, глядя на звёзды.

— Он согласится. Потому что единственное, чего боятся такие перебежчики больше разоблачения, — что Орден вернётся за ними. А он уже вернулся. И «Библиотекарь» это поймёт.

Джон провёл рукой по левой брови и прищурился, подождал секунду словно думал о чем-то, и продолжил:

— Я знаю одного полковника из СОТРА. Старый друг по "Пескам Андромеды". Хавьер Родригес. Мы вместе служили, ещё в те времена, когда 4й штурмовой флот гонял пиратов в Поясе Разлома. Он сейчас в СОТРА, но не по линии защиты свидетелей или полиции — занимается оперативным планированием. Однако у него широкий круг знакомств и доступ к межведомственным запросам. Если я попрошу — поможет быстро узнать под чьим именем работает этот Привратник.

— Он надёжный? — спросила Лиза.

— Как броня крейсера. Хавьер не задаёт лишних вопросов, если дело касается старых друзей. Но в открытую рисковать не будет. Мы с ним отработаем схему: он через свой канал выяснит, под какой легендой сейчас числится Вуд, и передаст мне контактную точку. Официально — никакого следа. Неофициально — мы получим возможность встретиться с перебежчиком. Нам не надо светить мандатом Короля лишний раз на территории Совета.

Лиза удивлённо подняла бровь:

— Никогда не думала, что у тебя такие контакты в их стане, Джон. — В её голосе прозвучало искреннее уважение.

— В этом мире враги — это просто друзья, с которыми ты ещё не расплатился, — усмехнулся Йорк. — А я привык, чтобы долги были за мной.

Йорк оторвался от навигационного пульта, потянулся.

— Курс проложен. До выхода из прыжка — 6 часов часа. Пойдёмте ужинать.

Они спустились в кают-компанию. На столе уже лежали три одинаковых матовых контейнера — система "лотерея", к которой давно привыкли.

— Выбирайте, — сказал Йорк, беря первый.

Сергей взял второй, Лиза — третий. Открыли одновременно.

У Йорка оказалась запечённая рыба с лимоном и овощами. Он одобрительно кивнул.

У Лизы — овощное рагу из кабачков и перцев. Она скривилась: такое она не любила.

У Сергея — стейк из мраморной говядины с жареным картофелем и зеленью. Пар поднимался от мяса, аромат разносился по каюте.

Сергей посмотрел на свой контейнер, потом на овощи Лизы, потом снова на стейк. Не говоря ни слова, он подвинул свой контейнер к Лизе.

— Ешь, — сказал он. — Тебе нужнее, особенно после приключений в подземельях.

— Серёжа, это твой ужин, — возразила Лиза, хотя глаза уже блестели.

— А я запечённые перцы люблю. — Он не церемонясь ткнул вилкой в её еду одной рукой, а второй потянул к себе её контейнер, не оставляя выбора.

Йорк, делая вид, что поглощён своей рыбой, хмыкнул почти беззвучно и ничего не сказал.

Они ели молча. Лиза справилась со стейком быстро — после всего пережитого на планете была она была сильного голодна. Сергей жевал овощи, поглядывая на неё.

Когда контейнеры опустели, Йорк откинулся в кресле.

— Лиза, расскажи о своём задании в Цефее-9. Кратко.

Лиза вытерла губы, кивнула.

— Обычная работа. Таможенная станция "ФТ-7". Мелкие контрабандисты везут редкоземельные металлы в обход пошлин. Засветился один чиновник, который за взятки пропускал их грузы. Я зафиксировала переводы на его счета, имена посредников.

— Контрабандисты. — констатировал Йорк.

Йорк помолчал, потом кивнул.

— Хорошо. Он кивнул на её пустую тарелку. — Задача у тебя была полезная, но сейчас у нас поважнее дело. Финансовыми хвостами пусть займутся другие эквиры. Напиши все детально в отчёт и передай в «Каньон Тишины», — они прочешут этого чиновника и контрабандистов.

Лиза кивнула. — Поняла.

Сергей собрал пустые контейнеры, отнёс в утилизатор. Вернулся, сел.

— Восемь часов до Кор Секундус, — сказал Йорк, поднимаясь. — Советую поспать, пока есть возможность.

Лиза и Сергей остались вдвоём.

— Спасибо за мясо, — тихо сказала она.

— Всегда, — ответил он.

Они посидели ещё пару минут в тишине, слушая гул двигателей. Потом Лиза поднялась, пожелала спокойной ночи и ушла в свою каюту.

Глава 3. Неучтённая точка

Яхта заходила на посадку в атмосферу Кор Секундус, когда за иллюминаторами уже сияли вечерние огни столицы. Огромный космопорт "Прайд" раскинулся на десятки километров — ангары, взлётные полосы, шлюзы, бесконечные очереди грузовых кораблей и снующие между ними служебные машины.

— Запросили посадку в секторе для дипломатических судов, — сказал Йорк, отключая автопилот. — Мандат Короля открывает любые двери. Будем на земле через пять минут.

Сергей посмотрел в иллюминатор. Он бывал на Кор Секундус раньше, но каждый раз этот город-планета подавлял масштабом. Небоскрёбы упирались в облака, эстакады опоясывали целые кварталы, а внизу, на уровне земли, текла своя, скрытая от глаз жизнь.

Яхта мягко коснулась посадочной плиты. Двигатели стихли.

— Порядок, — Йорк отстегнул ремни. — Сейчас свяжусь с Родригесом. Вы пока переодевайтесь в гражданское. Я пойду один. А вам будет другое задание.

— Какое? — спросила Лиза, поднимаясь.

— Узнаете через десять минут.

Йорк ушёл к в рубку, а Сергей и Лиза разошлись по своим каютам.

Первым делом зайдя в помещение Лиза подошла к шкафу, задумалась на секунду, потом достала тёмно-синее платье-футляр до колена. Ткань — плотный хлопок с добавлением вискозы, сидело идеально, подчёркивая фигуру, но без вульгарности. Асимметричный вырез — чуть глубже с одной стороны, приковывал взгляд, но оставался в рамках делового стиля. Тонкий кожаный пояс того же оттенка, с аккуратной пряжкой, делил силуэт на две гармоничные половины. Туфли-лодочки на низком устойчивом каблуке — комфортные для долгой ходьбы, но дорогие и элегантные. Волосы она собрала в небрежный пучок, выпустив пару прядей у лица. Никакого оружия — только планшет в тонкой кожаной папке и удостоверение аудитора на цепочке.

Когда она вернулась в кают-компанию - Сергей, покосившись на неё, подумал: "Смотрится как дорогой адвокат, а не оперативник". Но ничего не сказал.

Джон, тем временем, сел поудобнее в кресло и достал старый, редко используемый коммуникатор, набрал длинный зашифрованный код. Гудок. Второй. Третий. На четвёртом ответили. Йорк говорил нарочито громко, по-граждански, улыбаясь во время разговора и это чувствовалось в голосе..

— Хавьер, старый друг... Да, я на месте.

— Джон? — голос Родригеса был хриплым, будто его разбудили. — Сколько лет, сколько зим. Что случилось?

— Нужна встреча. Я пролётом. Сегодня. Дела государственной важности и нет времени. Других у меня не бывает. Но для встречи с тобой есть пару часиков.

— Аргумент. Где?

— Я тебе привёз отличный сувенир в твою коллекцию. Модель "Андромеды" — старого образца, в твоём любимом масштабе. Её как раз тебе не хватало. Ох, как же я за неё торговался.

Пауза. Родригес понял: это не про сувенир, это код. "Модель "Андромеды"" означала "высший уровень секретности", "старый образец" — "дело касается прошлого, которое мы считали закрытым", торговался — "встреча личная, не по протоколу, рассчитываю на старую дружбу".

— Тогда в нашем любимом месте, где умеют жарить кофе, — ответил Родригес. — Через час. Я предупрежу охрану.

— Буду.

Отбой.

Йорк сунул коммуникатор в карман, вышел из рубки в свою каюту.

Через десять минут, он вернулся обратно. На нём был безупречный серый костюм (пиджак, жилет, брюки), белая рубашка без галстука, дорогие часы на запястье — и старый, потёртый ремень, единственная деталь, выдававшая в нём военного. Он окинул Сергея и Лизу взглядом.

— Всё, — произнёс Йорк, застёгивая пиджак. — у меня встреча через час в загородном клубе. Хавьер согласился помочь. Пока меня не будет, у вас другое задание.

Он подошёл к пультам, вызвал на голограмму карту звёздных маршрутов и архивные данные.

— Мы знаем, что деталь 2704, экспериментальный купол, была вывезена со склада в лаборатории №2. Вопрос: куда? Транспортный корабль, который её вёз, не числится в реестрах активных судов. Но записи о перемещениях грузов должны были сохраниться в Транспортном управлении. Возможно, в виде отметок о посадках и взлётах.

Он посмотрел на Сергея и Лизу.

— Ваша задача: под легендой аудиторов безопасности проникнуть в архив Транспортного управления. Легенду уже подготовили и загрузят всю информацию в ваши идентификаторы, проблем не будет. Вам надо выяснить, какие корабли посещали лабораторию №2 в период кражи и куда они улетели дальше. Сделать точечную выборку. Не светиться. Если спросят — проверка соблюдения транспортных протоколов.

— То есть ищем не деталь, а корабли, которые могли её везти? — уточнил Сергей.

— Именно. Деталь не декларировали, её везли тайно. Но сам корабль, его посадка и взлёт — это данные, которые фиксируются автоматически. Час захода, час выхода. Время нахождения

ния на планете: погрузка/разгрузка такого груза занимает немного. Если корабль пробыл на складе меньше двух часов — уже подозрительно. Если больше — возможно, просто обычное ожидание. Нужно найти рейс, который задержался ровно настолько, чтобы перегрузить контейнер. Я уверен, они делали все чётко, стык-в-стык, чтобы нельзя успеть задать вопросы тыкнув в большой тяжёлый контейнер. Ваша задача отследить, куда он отправиться дальше.

— Поняла, — кивнула Лиза. — Корреляция времени и маршрутов.

— Я даю вам два часа. Если что-то найдёте — выходите на связь. Я буду в клубе. Встречаемся на яхте.

Йорк взял со стола мандат Короля и положил на край пульта.

— Держите. Пригодится.

Он вышел, и через минуту они услышали, как отлетает служебный флайтер.

Сергей взял мандат, сунул во внутренний карман.

— Ну что, идём заниматься детективной работой?

— Идём, — Лиза поправила воротник.

Они вышли из яхты, оставив огни космопорта позади.

* * *

Клуб "Хайгейт" прятался в старом парке в часе езды от столичных небоскрёбов. Дорога к нему вилась между вековыми дубами, чьи кроны смыкались над асфальтом, создавая тенистый туннель. Охрана на въезде — вежливая, но неподкупная — сверила номер флайтера Йорка со списком гостей и только после этого подняла шлагбаум.

Само здание оказалось невысоким, в два этажа, сложенным из тёмного камня и тёмного дерева, с узкими окнами, за которыми угадывался тёплый, живой свет. Никаких вывесок — только табличка с названием у входа, выполненная из кованого железа. Членство в клубе, как слышал Йорк, стоило столько, что обычный чиновник не заработал бы за десять лет, но руководители комитетов и помощники членов совета могли легко это себе позволить.

Внутри пахло дровами — настоящими, из каминов — и дорогим табаком, который курили в специальной гостиной этажом выше. Полы из тёмного дуба, полированного до зеркального блеска, стены, затянутые тканью цвета бордо, в простенках — картины, которые Йорк не рискнул бы оценить, но явно не копии. В холле у камина стояли два кожаных дивана, на столике между ними — старые журналы и хрустальная пепельница, пустая и вычищенная.

Швейцар в ливрее провёл Йорка по длинному коридору. Светильники на стенах — не плазменные панели, а настоящие бра с абажурами из цветного стекла, которые бросали на стены мягкие, радужные блики. Ковровая дорожка под ногами была такой толстой, что шаги тонули в ней, как в снегу.

"Зал каминов" оказался небольшой, полукруглой комнатой в торце здания. Огромный камин, выложенный тёмным камнем и украшенный резным гербом (какого-то старого земного рода, потерявшего смысл века назад), занимал почти всю дальнюю стену. В нём горел живой огонь — не голограмма, не синтезированное пламя, а настоящие дрова, потрескивающие и разбрасывающие искры. В углах комнаты — высокие растения в кадках, пальмы или фикусы, живые, с настоящей землёй в горшках. Огромная растрата ресурса для современного технологического мира, но столь приятна для психологии человека.

У дальней стены, в кабинке, обитой тёмно-зелёной кожей, сидел Родригес. На столе перед ним стояли две чашки чёрного кофе (аромат ударил в нос Йорку ещё на входе), хрустальный графин с водой и вазочка с орешками.

Родригес не встал при появлении Йорка — только кивнул на стул напротив. Он был в простом, но дорогом свитере цвета слоновой кости, без пиджака, но сидел так, будто командовал парадом. На вид — под пятьдесят, крепкий, плечистый, с проседью в коротких волосах, лицо в мелких шрамах, которые делали его похожим на старого боксёра.

— Джон. Два года не виделись. И сразу срочная встреча в час ночи.

— Обстоятельства, Хавьер, — Йорк сел — Не стал бы тревожить, если бы не очень важное дело. Но сначала — как ты? Как служба? Всё ещё в оперативном отделе?

— Местами муторно, но в целом хорошо, — Родригес усмехнулся, отпил кофе. — А ты всё в КРС? Не надоело быть тенью Короля?

— У каждого своё призвание, — уклончиво ответил Йорк и, помолчав, спросил: — Кстати, а ваш начальник, генерал Паласиос, всё ещё бесится на нас за ту операцию на Церере? Или уже отпустило?

Родригес хмыкнул.

— Не отпустило. Паласиос злопамятный. До сих пор вставляет палки в колёса, когда речь заходит о совместных действиях с КРС. Но это его проблемы, не мои.

Он отставил чашку и посмотрел Йорку прямо в глаза.

— Однако ты прилетел сюда не для того, чтобы обсуждать многолетний конфликт между СОТРА и КРС, верно? Говори, что нужно от старого песочника?

— Некий Джеймс Вуд, он же "Библиотекарь". Работает в Девятом комитете под чужой фамилией. Он в системе защиты свидетелей. Мне нужна с ним встреча. Это бывший член одной секты — «Орден Справедливого Равенства», октагонщики. Гадкие сеператисты. Они подпортили много крови и вашим и нашим двадцать лет назад. Они вдруг активизировались.

Родригес усмехнулся.

— Ты знаешь, я не отвечаю за защиту свидетелей. Я планирую операции.

— Но ты знаешь, где лежат ключи.

— Допустим. — Родригес подался вперёд. — Но зачем он тебе? Дело старое, 20 лет минуло.

Йорк не стал объяснять. Он молча отогнул лацкан пиджака, показывая внутреннюю сторону. Там, на подкладке, на магнитах держался, почти незаметный значок - коронованный профиль льва в овале звезд, вырезанный из чёрного металла. Этого было достаточно.

— Ты ведь знаешь, на кого я работаю, — тихо сказал Йорк.

Родригес посмотрел на значок, потом в глаза Йорку. Кивнул.

— Хорошо. Я помогу. Но встречу организуешь сам, только не выдай его. Аккуратно все. Я даю адрес и явку. Сделаем так. Завтра утром, в десять, ты зайдёшь в книжный магазин "Старая площадь" на бульваре Кортесов. купишь любую книгу. На кассе расплатишься наличными — 50-кредитной купюрой, сложенной в три раза вдоль. И скажи — «сдачи не надо».

В этот момент почти неощутимо короткая вибрация коммуникатора Джона оповестила о входящем сообщении. Значит ребята нашли что-то в архиве, но Йорк вида не подал.

- Джон молча кивнул, допил одним глотком кофе, и поставил чашку обратно.

— Тогда — до завтра, — Родригес поднялся, пожал Йорку руку. Крепко, по-военному. — И, Джон... будь осторожен. Эти люди умеют хранить секреты и их ресурсы огромные.

— Понял, спасибо, буду осторожен — на прощание сказал Джон.

Он вышел, оставив Хавьера одного. За ним в камин упало полено, выбив сноп искр.

Йорк пару раз вдохнул холодный парковый воздух и сел в флайтер.

Там он достал коммуникатор и прочитал сообщение: «+ Готово. Ждём» и нажал кнопку вызова Лизы.

— Я всё уладил. Завтра в десять утра у меня будет адрес. Вы нашли что-нибудь в архивах?

— Есть кое-что, — голос Лизы звучал напряжённо. — Приезжай на яхту, расскажем.

— Буду через час.

Тем временем в самом городе Сергей и Лиза усиленно разбирались в маршрутах кораблей.

Здание Транспортного управления располагалось в деловом квартале, среди таких же серых стеклянных параллелепипедов, но было чуть ниже и шире, с приземистым, массивным цоколем. Сергей припарковал флайтер на подземном уровне, рядом с табличкой "Для служебного транспорта" — легенда аудиторов безопасности позволяла не искать места для гостей.

— Документы наготове, — сказала Лиза, поправляя воротник платья.

— У тебя удостоверение от "Прайда"? — спросил Сергей, проверяя своё.

— Да. Легенда: старший аудитор отдела транспортной безопасности. Ты — мой помощник.

— Принято.

Они поднялись на лифте на пятый этаж. Коридоры были пусты, выложены светлой плиткой, стены — матовое стекло с подсветкой. Ни одного живого человека — только камеры в углах, которые бесстрастно следили за каждым шагом.

Центральный читальный зал оказался огромным помещением, залитым холодным белым светом. Вдоль стен — ряды голографических стоек и кристаллических накопителей. В центре — несколько десятков терминалов для запросов, расположенных амфитеатром. Ни одного посетителя в этот час. Только тихий гул систем охлаждения и запах озона.

— Стерильно, — пробормотал Сергей.

— Как в операционной, — согласилась Лиза.

У входа их встретил терминал проверки доступа — высокая стойка с сенсорной панелью и сканером сетчатки. Лиза приложила своё удостоверение на имя Анны Веги, старшего аудитора отдела транспортной безопасности, ввела код, предоставила глаз. Экран мигнул зелёным, голос синтезатора произнёс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.